

Лещак О. В.

ТЕОРИЯ ДИСКУРСА – ТЕОРИИ ДИСКУРСА – ТЕОРИИ ДИСКУРСОВ: К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ СОЗДАНИЯ ЧАСТНЫХ ПРЕДМЕТНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ

Практически все, имеющие хоть малейшее отношение к науке, в частности к лингвистике, неоднократно встречались с формулировками «теория объекта N», например, «теория фонемы», «теория слова», «теория предложения», «теория текста», а в последнее время также «теория дискурса». Однако мало кто задумывался над тем, что формулы эти сами по себе весьма проблематичны как в плане онтологии объекта исследования, так и в плане чисто эпистемологическом. Каким объектом должна заниматься общая теория фонемы, если в пределах одной концепции языка *фонемой* называют некий абстрактный феномен, существующий в интеллигибельном пространстве языка как составной духовной культуры народа, в другой этот же термин используется для обозначения психофизиологического феномена, некоего акустико-артикуляционного образа, запечатленного в мозге у носителя языка, в третьей такой же термин номинирует абстрактный научный логический конструкт, а в четвертой он обозначает информационную функцию сигнальной речевой деятельности человека. Во всех случаях мы имеем дело с совершенно отличными объектами изучения. Зачастую эти объекты некомпатибельны, иногда они взаимно пересекаются, иногда только смежны. Но никогда не идентичны с точки зрения любой из концепций.

Обратимся к такому классическому объекту языкознания, как слово. Что должна собой представлять общая теория слова, если для одних лингвистов слово – это звуковая форма, наделенная одним или несколькими значениями, для других – значение, которое может выражаться различными формами, для третьих – диалектическое единство некоторого звучания с некоторым значением, для четвертых – единство совокупности форм и совокупности значений. Словом могут называть либо материальные звуковые ряды, сопряженные с некоторой языковой и/или внеязыковой информацией, либо виды речевых психофизиологических сигнальных цепочек соединенных с информационными комплексами номинативного характера, либо чисто информационные, обобщенные номинативные единицы языковой системы, выражаемые обычно в синтетической форме. Иногда же под *словом* могут понимать и одно, и второе и третье одновременно. Не нужно быть слишком сообразительным, чтобы обнаружить, что во всех случаях речь идет о каком-то ином объекте. То, что один лингвист называет термином *слово*, другой может назвать звукорядом, а третий – словоформой. Некоторые языковеды принципиально не желают рассматривать в своих концепциях объекты, называемые их оппонентами *словами*, поскольку они считают, что таких объектов вообще не существует либо они не должны быть объектом лингвистического исследования.

Как видим, создание лингвистической теории частного в предметном отношении характера весьма проблематично. Выделение того или иного объекта в предметном поле той или иной концепции всецело подчинено методологическим предпосылкам данной концепции, в первую очередь – пониманию онтологии объекта.

Обратимся к термину *дискурс*. Вокруг этого термина возникла целая дисциплина *дискурсивный анализ* или *теория дискурса*. Все без исключения теоретики, занимающиеся данной дисциплиной, констатируют факт многозначности данного термина, отмечая, что существует много пониманий дискурса. Одни понимают дискурс как индивидуализированный текст, другие – как текст в речевой ситуации и речевом контексте, третьи – как общественную максимально объективизированную дискуссию, четвертые – как устный диалог или полилог. Я насчитал 25 различных толкований термина *дискурс* в русскоязычных работах, использующих данное слово. Точнее было бы сказать, что мне удалось различить не менее 25 различных понятий, номинируемых формой *дискурс*. Ведь нет никакой гарантии, что я произвел единственно возможную и единственно верную концептуализацию объектов, называемых данным термином.

Часть этих понятий уже имеет в разных лингвистических концепциях свои терминологические обозначения. Так, например, *дискурсом* называют **научную дискуссию** («особый идеальный вид коммуникации, осуществляемый в максимально возможном отстранении от социальной реальности, традиций, авторитета, коммуникативной рутины и т. п. и имеющий целью критическое осуждение и обоснование взглядов и действий участников коммуникации» Ю. Хабермас [см. 5]), **речевую деятельность** («связные последовательности речевых актов», И. П. Сусов [12], «употребление единиц языка, их речевая актуализация» П. Серию [11] или «родовой термин, объединяющий все виды использования языка» А. Кибрик и П. Паршин [5]), **сверхфразовое единство** («последовательность высказываний, отрезок текста, больший, чем предложение», З. Хэррис [см. 7] или «единица, по размерам превосходящая фразу», П. Серию [11]) или **любой текст** («категория (естественной) речи, материализуемой в виде устного или письменного речевого произведения, относительно завершенного в смыслевом и структурном отношении, длина которого потенциально вариативна: от синтагматической цепи свыше отдельного высказывания (предложения) до содержательно цельного произведения (рассказа, беседы, описания, инструкции, лекции и т. п.)», Г. А. Орлов, [9]), **диалог** («беседа как основной тип высказывания», П. Серию [11] или как физическое событие, протяженное во времени – ср. пример использования термина: «Длительность данного дискурса – 2 минуты», [5]), как **обмен информацией** («движение информационного потока между участниками коммуникации» Т. Милевская [7]), **взаимопонимание** («результат восприятия текста, когда воспринимаемый смысл совпадает с замыслом отправителя текста», В. Г. Костомаров и Н. Д. Бурвикова [6]) или просто **речевое воздействие** («воздействие высказывания на его получателя с учетом ситуации высказывания» П. Серию [11]).

Если проанализировать эти понятия, то становится очевидным, что здесь в равной степени можно говорить и о теории дискурса, и о теории речевой деятельности, и о теории диалогического обмена информацией или взаимопонимания, а также о теории речевого воздействия или теории научной дискуссии.

Гораздо больше пониманий термина *дискурс*, которые не вписываются в традиционные термины и являются своеобразными усложнениями более простых понятий, таких как язык, речь, речевая деятельность,

текст или языковая деятельность. Их следует рассмотреть особо. При этом следует помнить, что предлагаемый анализ нельзя назвать ни объективным, ни непредвзятым. Дело в том, что все вышеназванные термины, используемые при таком анализе как методологические и концептуальные маркеры, сами должны быть каким-то образом определены. В противном случае любая оценка термина *дискурс* окажется не более чем определением неизвестного через другое неизвестное. А, как известно, нет общепринятых определений ни языка, ни речи, ни речевой деятельности, ни текста, ни языковой деятельности, что совершенно не значит, что невозможно однозначное определение этих терминов в рамках какой-то конкретной концепции. Для того, чтобы все, что будет сказано ниже, имело хоть какой-нибудь смысл, представлю свое понимание этих терминов в виде таблицы.

Языковая деятельность (как часть семиотического опыта человека)					
Язык (языковая картина мира как часть потенциального семиотического бытия человека в мире и обществе)		Речь (как часть актуального семиотического бытия человека в общественном и предметно-ситуативном опыте; состоит из речевых событий)			
система знаков	система алгоритмических моделей	Речевая деятельность (совокупность речевых актов)		Текст (целостное речевое произведение)	
		внутренняя (кодирование и декодирование)	внешняя (сигнализация и восприятие)	синтактико-смысловой	сигнальный

Первую группу составляют понимания термина *дискурс*, основанные на понятии текста. Ясно, что количество таких трактовок будет зависеть от количества пониманий текста. Если кто-то понимает дискурс как **актуализированный текст** (напр., Т. ван Дейк – «актуально произнесенный текст» [3]), то в зависимости от того, понимает ли он текст как материальное явление или как явление информационное, такое понимание дискурса может быть потрактовано двояко и отнесено к двум разным понятиям.

Довольно часто дискурсом называют **текст индивидуализированный** («экспликация позиции говорящего в высказывании» Э. Бенвенист [см. 7]), хотя иногда под «индивидуализацией» понимают не только актуальное продуцирование, но и актуальную интерпретацию текста. Все перечисленные трактовки дискурса как текста, взятого в его опытном актуальном бытии, в предложенной выше схеме языковой деятельности названы *речевыми событиями*.

На понятии текста базируется также понимание дискурса как **текста, взятого в совокупности с экстралингвистическими факторами** (ср. «сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [4]). Проблема данного понимания состоит в том, что традиция, доставшаяся нам в наследство от Альбера Сеше – автора известной фразы о языке, который нужно изучать «в себе и для себя», поддержанная и развитая в структурализме и логических версиях генеративистики, требует от лингвистов понимания языка, речи, текста как чистых сущностей, изолированных от опыта социальной и предметной деятельности человека. В функционально-прагматической лингвистике, позицию которой иллюстрирует вышеприведенная схема, языковая деятельность – это форма языкового опыта и просто не может мыслиться как нечто извлеченное из психосоциального и чувственно-предметного бытия человека. Поэтому всякий текст здесь – это знаковое информационное поле, вписанное в некоторый экстралингвистический контекст.

Вторая группа трактовок дискурса основывается на понятии речи или речевой деятельности. Самые популярные среди них – понимание дискурса как **социализированной речи** или **социализированной речевой деятельности**. («речь, погруженная в жизнь», Н. Д. Арутюнова [1], «речь, вписанная в коммуникативную ситуацию», А. Кибрик и П. Паршин [5], «речь, погруженная [...] в социальный контекст», А. Р. Усманова [14]) или же, наоборот – как **речи участников диалога, погруженной в когнитивно-психологические процедуры** («совокупность речемыслительных действий обоих коммуникантов», Т. Милевская, [7]). Обе позиции страдают, по-моему, одним и тем же недугом – редукционистским пониманием речи либо как сугубо индивидуального психологического явления, либо как объективного метафизического факта. Источник такого понимания все тот же – *Курс де Соссюра*, написанный Альбером Сеше и Шарлем Балли и многолетнее гипостазирование текста структуралистами. В этом смысле замечание А. Р. Усмановой, что «понятие «дискурс» редко употребляется по отношению к древним текстам» [14], совершенно нерелевантно для функционально-прагматического понимания языковой деятельности и ее составляющих. Свободен ли древний текст, прочитанный и интерпретированный современным читателем, от «экстралингвистических факторов», от «погружения в жизнь», привносимых этим прочтением и этой интерпретацией. Свободен ли прочитанный и синтерпретированный древний текст от социального бытия в виде предмета обсуждения (хотя бы учеными и деятелями культуры)? В случае, если такой «текст» написан на уже не функционирующем языке и его прочтение и интерпретация ученым(и) является искусственным исследовательским актом, т. е. если такой текст не вовлечен в один из видов синхронной интеллектуальной деятельности, его нельзя считать полноценным текстом – это «квази-текст». Если же текст вовлечен в синхронную деятельность на общих основаниях (в оригинале или в переводе), он является такой же частью современной культуры, как и текст, написанный и изданный в прошлом году (так, тексты Платона, Канта или Ницше являются частью современной философской культуры, а тексты Гомера, Сервантеса и Шекспира – частью современной культуры художественной).

Если понимать речь как социально-психологическую функцию опыта, как ряд событий, направленных на информационное регулирование общественных отношений, то можно без труда снять противоречия, связанные с индивидуальным характером речи и социальным характером языка. Тем более, что предложенная Милевской формула «совокупность речемыслительных действий обоих коммуникантов» явно страдает метафизическим гипостазированием речемыслительного пространства. Ведь трудно без метафизики представить себе совокупность мышлений обоих коммуникантов. Нет никакой возможности объединить мышления двух людей, разве что под мышлением нашего собеседника мы понимаем ту часть своего личного интеллектуального опыта, которую мы понимаем как мысли и слова нашего собеседника. В той же работе Милевской содержится несколько иная трактовка дискурса, а именно как **познавательно-мировоззренческого варианта речевой деятельности**, связанного «с познанием, осмыслением и презентацией мира говорящим и осмыслением, реконструкцией языковой картины мира продуцента реципиентом» [там же].

Иногда дискурс пытаются представить как третье звено соссюровской оппозиции [см. 5], как нечто **среднее между социальным языком и индивидуальной речью**, как феномен, который находится «по ту сторону языка, но по эту сторону высказывания, т.е. дан после языка, но до высказывания» (Ц. Тодоров) [13. с. 367]. Иначе говоря, дискурсом здесь названы процедуры применения языка для порождения или интерпретации текста, т. е. собственно речевая деятельность в терминологии, предложенной некогда Львом Щербой.

Замечу, что в тех случаях, когда дискурс сводится к функционированию текста или к различным типам речевых процедур, следует говорить о специфических пониманиях текста или речи в той или иной лингвистической теории. Но во всех перечисленных случаях введение отдельного понятия дискурса совершенно неоправданно и является порождением сущности сверх необходимости.

Рассмотрим еще один ряд терминов *дискурс*, на этот раз базирующихся на понятиях языка и стиля. Так, Юрий Руднев предлагает следующую трактовку дискурса: «Дискурс – такое измерение текста, взятого как цепь/комплекс высказываний (т. е. как процесс и результат речевого (коммуникативного) акта), которое предполагает внутри себя синтагматические и парадигматические отношения между образующими систему формальными элементами и выявляет прагматические идеологические установки субъекта высказывания, ограничивающие потенциальную неисчерпаемость значений текста» [10]. Анализ данного фрагмента позволяет интерпретировать дискурс как некоторую языковую специфику речи (текста), как некоторый **идиостиль**. Сходную трактовку дискурса во французской традиции подчеркивает и Патрик Серио: «социально или идеологически ограниченный тип высказываний» [11]. Здесь появляется весьма существенная для многих концепций, использующих термин *дискурс*, деталь – идеологический и социальный фактор. Об этом же пишет и Татьяна Милевская: «для французской школы дискурс – прежде всего определенный тип высказывания, присущий определенной социально-политической группе или эпохе» [7]. Такое же понимание дискурса находим и в русской культуре: «Дискурс – это отложившийся и закрепленный в языке способ упорядочения действительности и видения мира» [8]. В том же духе выдержано и определение дискурса в Википедии: «социально обусловленная организация системы речи, а также определенные принципы, в соответствии с которыми реальность классифицируется и репрезентируется (представляется) в те или иные периоды времени» [4]. Понятно, что, говоря о «отношениях между образующими систему формальными элементами», «типе высказываний», «способе упорядочения действительности», «организации системы речи» или о «принципах классификации и репрезентации реальности», мы тем самым квалифицируем дискурс как определенную разновидность языка, понимаемого как система информационных единиц и моделей. Близко к данному пониманию дискурса как **идеологического языка определенной эпохи**, представленное в Большом толковом социологическом словаре: «совокупность вербальных манифестаций, устных или письменных, отражающих идеологию или мышление определенной эпохи» [2]. Там же дается еще одно толкование, но также отсылающее к ключевому понятию идеологического языка: «научный или профессиональный язык, а также выражаемые идеи и социальные результаты, которые [...] должны считаться главным явлением социальной *власти*, а не просто способом описания мира» [там же]. Как несложно догадаться, все эти дефиниции так или иначе относятся к той или иной теории языка. Для теории, в которой язык принципиально не отрывается от картины мира и всегда понимается как некоторая система взглядов и поведенческих предписаний дискурс становится просто вариативной разновидностью языковой системы (так же, как и в тех случаях, где дискурс трактуется как социально-идеологический вариант речи).

Наверное, наиболее широкой является концептуализация термина *дискурс* в тех случаях, когда основанием для нее становятся понятия языковой деятельности, языкового опыта или семиотического пространства в целом. Обратимся к дефиниции А. Р. Усмановой: «Дискурс, дискурсия (франц. *discours* – речь) – в широком смысле слова представляет собой сложное единство языковой практики и экстралингвистических факторов (значимое поведение, манифестирующееся в доступных чувственному восприятию формах), необходимых для понимания текста, т.е. дающих представление об участниках коммуникации, их установках и целях, условиях производства и восприятия сообщения. Дискурс выступает вербальной формой объективации содержания сознания, регулируемой доминирующим в наличной социокультурной традиции типом рациональности» [14]. Сложно понять, входит ли язык как информационная система в «языковую практику» (если да, то речь, по-видимому, идет именно о **языковой деятельности**) и, что еще более важно, о чем вербальном опыте говорит автор дефиниции. Иначе говоря, чье это поведение, для кого оно значимо, чье это понимание текста, у кого возникает представление об участниках коммуникации, чьи это цели и установки? Если это некое сборное, коллективное сознание, объективно существующее семантическое пространство языкового опыта, то перед нами метафизическая концепция **языкового пространства**, названного дискурсом. Тогда языкознание просто следует переименовать в *дискурснознание*. Если все указанные семантические функции объединяются в сознании конкретного носителя языка и участника социального информационного взаимодействия, то это антропо-

центрическая концепция, под которой я мог бы подписаться. Но возникает иной вопрос: а зачем нам наряду с термином *языковая деятельность* (соссоровский термин *langage*) дублирующий его термин *дискурс*?

Поэтому наиболее приемлемой для функционального прагматизма я считаю трактовку термина *дискурс* как функциональной разновидности языковой деятельности, т. е. как варианта языковой деятельности, специфицированного социально-психологическими, деятельностными, стилистическими, тематическими или пространственно-временными факторами. Следовательно каждый дискурс (равно как и языковая деятельность в целом) может обладать своим типом языка, своим типом речевой деятельности и своим типом текстов.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что с эпистемологической точки зрения можно вести речь о теории дискурса в рамках какой-то конкретной лингвистической концепции только тогда, когда понятие «дискурс» является прагматически необходимым и функционально значимым в данной концепции и не покрывается другими понятиями из этой же концепции. Именно поэтому нет никакого смысла говорить о какой-то одной, общей теории дискурса, так же, как нет смысла говорить о разных теориях одного и того же объекта. Объект является частью теории, а теория – частью методологической концепции и вне данной концепции и данной теории нет и быть не может никакого объекта.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс, в: Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – Москва, 1990. – С. 136-137.
2. Большой толковый социологический словарь (Collins). Т. 1 (А-О). – Москва, 1999. <http://www.owl.ru/gender/312.htm>.
3. Ван Дейк Т. К определению дискурса. <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm>.
4. Дискурс, в: Википедия – свободная энциклопедия. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Дискурс>.
5. Кибрик А., Паршин П. Дискурс, в: Энциклопедия Кругосвет. <http://www.krugosvet.ru/articles/82/1008254/1008254a1.htm>.
6. Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д. Изучение и преподавание русского слова от Пушкина до наших дней: Материалы конференций и семинаров. – Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1999. – С. 7-14.
7. Милевская Т. Дискурс и текст: проблема дефиниции. <http://teneta.rinet.ru/rus/me/milevskat-discourseandtextdfn.htm>.
8. Миллер А. О дискурсивной природе национализмов, «Гражданское общество», том 2, 1997, № 4. <http://www.carnegie.ru/ru/print/55643-print.htm>.
9. Орлов Г. А. Современная английская речь. – Москва, 1991.
10. Руднев Ю. Концепция дискурса как элемента литературоведческого метаязыка. http://zhelty-dom.narod.ru/literature/txt/discours_jr.htm
11. Серю П. Как читают тексты во Франции, в: Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. – Москва, 1999. – С. 12-53.
12. Сусов, И. П. Введение в теоретическое языкознание: Электронный учебник. – Тверь, 1999. http://homepages.tversu.ru/%7Eiips/1_06.htm.
13. Толдорв Ц. Понятие литературы, в: Семиотика. – Москва, 1983. – С. 355-369.
14. Усманова А. Р. Дискурс, дискурсия, в: Энциклопедия социологии, <http://slovari.vandex.ru/art.xml?art=sociology/soc/soc-0327.htm&encpage=sociology&mrkp=http%3A/hghltd.vandex.com/vandbtm%3Furl%3Dhttp%253A/encycl.vandex.ru/texts/sociology/soc/soc-327.htm%26text%3D%25E4%25E8%25F1%25EA%25F3%25F0%25F1%26reqtext%3D%25E4%25E8%25F1%25EA%25F3%25F0%25F1%253A%253A1280168%26%26isu%3D2>.

Лещак С. А.

ЯЗЫКОВОЕ КЛИШЕ КАК ОБЪЕКТ ТРАНСЛАТОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ РУССКО-ПОЛЬСКИХ ПЕРЕВОДОВ ДЕЛОВЫХ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ)

При изучении проблем перевода очень часто (особенно при нефункциональных подходах) исследователи смешивают явления межъязыковой аналогии речевых знаков и межъязыковой системной аналогии. Иначе говоря, словарные (категориальные и сигнификативные) соответствия зачастую могут оказываться нерелевантными на референтивном (т. е. текстовом, ситуативном) уровне. Семантика речи нередко требует отхода от системно-категориальной адекватности.

В случаях с языковыми клише – необразными аналитическими номинативными знаками – т.н. «словарное значение» в буквальном смысле слова *словарный* явление весьма трудноустановимое. В. Н. Крупнов отметил: «К понятию эквивалента, как, собственно говоря, и к любому другому научному понятию, нельзя подходить односторонне. [...] Никакой словарь не освобождает переводчика от учета роли контекстуальных факторов и особенностей индивидуального авторского стиля» [1]. Это совершенно справедливо высказывание. Так, например, при переводе фразы *Jest to POLSKI produkt o wysokich walorach jakościowych i smakowych, wytwarzany w oparciu o tradycyjną, sprawdzoną technologię* [FRITAR, <http://www.fritar.com.pl/oferta.htm>] просто необходимо отойти от словарной адекватности, поскольку польскому клише *wysokie walory* на словарном уровне могло бы соответствовать русское слово *достоинства*, польскому клише *wysoka jakość* – русское клише *высокое качество*, а польскому *walory smakowe* – русское клише *вкусовые свойства* (в случае *wysokie walory smakowe* – *вкусовые достоинства* или *отличные вкусовые свойства*), но при их соединении в рекламный штамп *produkt o wysokich walorach jakościowych i smakowych* соединить все указанные русские единицы в одну адекватную польскому оригиналу единицу не представляется возможным. Отсюда неточность и ошибочность предложенного фирмой перевода *Это Польский продукт с высоким достоинством, качественный и вкусный, изготовленный по традиционной и проверенной технологии*, поскольку в русском нет клише **высокое достоинство*. Переводчики нередко забывают, что задача текста состоит не в демонстрации нормативных возможностей словаря и грамматического строя языка, а в сообщении некоторого содержания и выражении некоторой смысловой интенции.

Задача переводчика с функционально-прагматической точки зрения – не передать сведения о действительности, а перевести текст, т. е. передать средствами языка-реципиента прагматически релевантную информацию (в т. ч. эмоциональную, ментальную, эстетическую, этическую), заключенную в тексте оригинала. Текст всегда прагматически подчинен стилю и типу деятельности. Ю. Найда как-то отметил, что «каждая дефиниция перевода без всякого сомнения будет в значительной мере зависеть от цели, которую преследует этот перевод» [3, с. 331]. Публицистический текст должен убеждать, увлекать, призывать, волновать, побуждать, а не (только) информировать. Деловой текст должен помогать организации совместной экономической деятельности или использованию продуктами труда. Научный – аргументи-